ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НОВОГО АЛФАВИТА

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА

Книга X

ИЗДАНИЕ ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА НОВОГО АЛФАВИТА ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ЦИК СССР

МОСКВА — 1931

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

„КУЛЬТУРА и ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА“

обращается ко всем комитетам НА и работникам НА на местах, ко всем научно-исследовательским учреждениям и лицам, работающим по линии языков и письменности народов СССР, с просьбою присылать информацию о своей работе и статьи для помещения в журнале. Просьба присылать также выходящие издания по вопросам изучения и строительства национальных языков и письменности (грамматики, словари, монографии по отдельным вопросам и т. п.) для помещения на них рецензий.

Адрес редакции: Москва, Красная пл., здание ЦИКС, центр. подъезд, комн. 4, ВЦК НА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА

КНИГА 10

ИЗДАНИЕ
ВЦК НА
МОСКВА—1931

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Н. САВВОВ

К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ ГРЕКОВ СССР

До войны в бывшей России численность греческого населения далеко переваливала за полмиллиона. Но уже тогда наблюдались довольно частые случаи переселения греческих семей за границу, в Грецию. Такие случаи постепенно стали принимать массовый характер и к началу империалистической войны и в период самой войны переселение перешло определенно в массовое движение. К этому периоду греческого населения у нас насчитывалось около полмиллиона.

Массовое переселение продолжалось во время гражданской войны. Позже волна эта постепенно начала спадать и примерно к 1925 году окончательно спала, приняв характер единичных случаев выезда в Грецию отдельных единиц и семейств под влиянием не прекращающейся контрреволюционной деятельности и агитации греческого кулачества и зажиточных элементов.

Греческое население СССР наиболее компактно сосредоточено в Северо-Кавказском крае, Закавказье, Крыму и на Украине.

Названные четыре территории являются теми территориями, на которых соредоточено возделывание культуры табака.

В массе своей (на 75—80%) состоя из крестьянства, трудовое греческое население СССР в значительной своей части (процентов на 65—70) главной отраслью сельского хозяйства имеет разведение табака.

Таким образом табаководческие районы, по своему удельному весу и значению в экономике Союза приравненные приказом Наркомснаба („Известия“ от 21/VI 1931 г.) „к районам технических культур важнейшего значения“ (к хлопковым) пользуются в солидной доле греческой рабочей силой.

По своему этнографическому признаку греки СССР почти сплошь состоят из так называемых греков „понтийских“ (от имени „Понта Эвксинского“ — Черного моря) или „анатолийских“ (восточных).

Одним из основных признаков отличия их от греков западных (в Греции и вообще на Балканском полуострове), является язык, довольно резко отличающийся от языка последних (от языка древнегреческого как тот, так и другой язык отошли на колоссальную дистанцию).

При разговоре о греках в воображении сторонних людей невольно рисуются образы „потомков носителей классической культуры“, потомков „Сократа, Платона, Эвклида, Архимеда“, и т. п., и совершенно упускается из виду та огромная с точки зрения нашей советской действительности культурно-политическая отсталость, которая является фактически уделом этих „потомков“ и характеризуется сильным влиянием консерватизма, религии и клерикализма, национал-шовинизма и т. п.

За ряд последних лет мы имеем поистине значительный сдвиг в деле поднятия культурно-политического уровня трудовых греческих масс в деле борьбы с тлетворным влиянием перечисленных выше моментов.

Но ввиду того, что усиление внимания к нуждам и потребностям культурного строительства среди этих трудовых масс двигалось крайне медленными темпами, со слабым напряжением,—в настоящий момент в нашей работе мы ощущаем большие пробелы.

Одним из таких наиболее существенных пробелов является крайне слабо развернутая работа по подготовке национальных культ-кадров средней и высшей квалификации — кадров для непосредственной практической работы и кадров для подготовки кадров.

Нами почти совершенно не учитывалось то обстоятельство, что ряды наших педкадров питает стихия, скудная и все больше и больше оскудевающая.

О качестве этих стихийных кадров и говорить не приходится; это в основной своей массе учителя, в прежнее время окончившие и недоучившиеся в так назыв. гимназиях и прогимназиях в Турции *) и приобретшие тот или иной педстаж работой в ультра-схоластических греческих начальных школах. Только путем эпизодической краткосрочной (месячной) переподготовки удавалось кое-как поднимать качество этих кадров и пополнять их ряды „ с бору да с сосенки“ более или менее свежими силами из советского молодняка с тем или иным общим образованием.

В деле организации подготовки культкадров нас сталкивали на путь наименьшего сопротивления разного рода трудности: недостаток национальных квалифицированных сил, недостаток учебников, пособий, литературы на родном языке и т. п.

В корне же всех этих трудностей лежит одна основная причина— проблема, которая до сих пор остается проблемой, проблема языка, письменности, орфографии.

---

*) В Турции в свое время существовала сеть низших, средних и даже высших учебных заведений чисто конфессионального характера для греческого населения в стране с преподаванием на „греческом“ языке под руководством и опекой греческого духовенства — епископата. Упомянутые гимназии и прогимназии относятся именно к этой сети.

На огромный шаг вперед к разрешению этой проблемы действительно продвинули нас революционные решения 1-го всесоюзного совещания по вопросам культурного строительства среди трудящихся греков СССР (май 1926 г.).

Революционность этих решений заключается в том, что они избавили всю культурную работу среди трудового греческого населения СССР от огромного бремени, тяготевшего над этой культработой, в виде пресловутого языка „кафаревуса" (чистый) *) вместе с его „историческом орфографией", которые, в частности, в греческой школе родной язык из педагогического средства превращали в буквальнейшем смысле в самоцель: дети обучались не на родном языке, а „родному языку" в 60—70% всей своей учебы в школе.

Совершили мы исторический, революционный шаг приняли реформу, ввели в обиход школы, культработы, издательства язык „димотики" (народный) и вместе с ним орфографию фонетическую с упрощенным алфавитом, отбросив всякие пережитки традиционной графики в виде разных так называемых „дифтонгов", трояких знаков ударения, знаков придыхания, лишних букв и т. п.

Революционность нашего шага еше заключается в том, что мы впервые раздели догола всю политическую сущность языка „кафаревуса„ вместе с исторической орфографией. Сущность эта, как должно быть ясно и очевидно всякому здоровому рассудку, заключается в том, что такие аттрибуты, как язык „кафаревуса" и „историческая" орфография в руках греческой буржуазии и плутократии служат сильнейшим средством тормоза на пути греческого пролетариата и трудяшихся к культурному и политическому развитию; „кафаревуса" и „историческая" орфография—это густая дымовая завеса, пускаемая плутократией для того, чтобы мешать, препятствовать пролетариату и трудящимся разоблачать своих угнетателей, эксплоататоров.

Основная, цель и задача реформы сводилась к тому, чтобы перевести греческую школу и культработу вообще на действительно родной язык.

Вводя язык „димотики" (на котором говорят пролетарские и трудовые массы „западных" греков и даже буржуазия в своей обыденной жизни), мы сделали только первый шаг к разрешению поставленной задачи, поскольку считаем что „димотики" далеко

*) Сравнивая язык „кафаревуса, или „катаревуса" (что значит „чистый") с языком „димотики" („народный"), мы устанавливаем буквально такую же разницу как между современным русским языком и древне- или церковно-славянским языком. Нечего и говорить о колоссальнейшей разнице между „кафаревусой" и языком „понтийским".

не тот изык, который является фактическим родным языком понтийцев (анатолийцев).

Вместе с революционностью в нашем большевистском шаге должна была соблюдаться и предусмотрительность, осторожность; слишком крутой поворот, т. е. перескок с „кафаревуса“ на „понтийский“ язык мог быть чреват болезненными и вредными последствиями в культработе среди трудящихся греков. Здесь мы должны были учесть влияние консерватизма на массы в отношении представления о своем языке; мы не могли не учитывать того реального положения, что в греческих массах укоренившееся представление о греческом языке говорило, что идеалом является „эллинский“ язык, т. е. кафаревуса (которого почти никто фактически в этих массах не знает), а собственный язык этих масс — это не язык, дескать, а "деревенщина“. Мало того, что такой ложный, извращенный взгляд господствовал в массах, но он держался (а у многих и до сих пор держится) в головах передовых слоев греческого трудового населения. В этом, конечно, виновата история и судьба понтийского языка; в этой истории мы видим, что развитие понтийского языка, как и все развитие культуры греков — понтийцев, шло своим обособленным путем в отрыве от западных греков в особых историко-экономических и естественно-географических условиях.

Далее, в истории развития этого языка мы видим, что он находился на положении „саней“, на которых люди „ездят“, но никто никогда не берется их „вести“, чинить, отделывать и пр. Этим языком люди пользовались и пользуются в повседневной своей жизни, в своем общении, но никто почти никогда ничего не писал на нем (если не считать двух-трех пьес вроде О Δαζαραγας Фотиади То χριμαν Павлиди и др.) На этом языке нет у нас никакой письменности, никакой литературы. Мало того, никто никогда не только не занимался, но и не интересовался его научным изучением и исследованием, а между тем для лингвиста этот язык должен был бы представлять весьма интересный предмет изучения и исследования.

Что же касается положения этого языка „в обществе“, то весьма характерно, что „в приличном обществе“ считалось просто зазорным на нем изъясняться, и „члены общества“, лишенные возможности заменить „простой“ (так он именовался) язык „эллинским“, предпочитали изъясняться по-русски.

В чем корни такого взгляда на понтийский язык? Понтийский язык является родным языком греческого крестьянства и слоев так или иначе с течением времени вышедших из среды крестьянства и оторвавшихся от него. Таким же языком крестьянских масс и, разумеется, всех пролетарских масс в Греции является, как сказано выше, „димотики“. Крестьянство по-гречески именуется термином αγροτιά

весьма близким по корню к термину ἄγριος „дикий“. Отсюда прилагательные от этого корня ἀγροτικός, ἀγροικος „сельскохозяйственный, деревенский, крестьянский“ — в устах плутократии служат сплошь и рядом синонимами дикости, бескультурья, невежества; отсюда, следовательно, и язык крестьянский — язык „дикий“ и нечего дескать соваться этой „дичи“ в один ранг с языком „культуры“, языком „цивилизации“ — кафаревусой.

Это и служит важнейшей предпосылкой к тому, что понтийский язык и димотики считались, а первый и до сих пор считается, диалектами, „жаргонами“, наречиями. *)

В последние годы, правда, под организованным напором пролетариата (этому немало способствовала и наша реформа) в Греции все более и более завоевывает себе права гражданства язык димотики, проникает в печать, в школу и т. п. Давнишняя борьба передовиков интеллигенции вместе с массами за этот язык увенчивается его победой.

Итак, произвели мы реформу — коренным образом изменили орфографию и алфавит, ввели в обиход нашей культработы язык димотики. Но практика, жизнь, пользование языком димотики у нас, в СССР показали, что мы в действительности только на полпути подвинулись к разрешению стоящей перед нами задачи: язык димотики в лучшем случае только „золотая“ середина между кафаревусой и понтийским, на нем трудно вести массовую культурную и политико-просветительную работу среди трудящихся греков СССР, его очень плохо понимают массы. **)

Практика и жизнь сами непосредственно уперли нас в необходимость перехода на *действительно родной язык масс.*

Наш печатный рабоче-крестьянский греческий орган „Комунистис“, единственная греческая газета, издаваемая в СССР (если не считать недавно возникшую украинскую греческую газету — „Колехтивистис“), — со всей остротой почуял эту необходимость, и переход на вполне понятный советским грекам язык уже начинает осуществляться. Правда, в этом переходе имеется огромный ряд дефектов лексического, грамматического, синтаксического порядка; тем не менее, только при переходе на понтийский язык „Комунистис“ может сказать, что он — *орган масс — повернулся лицом к массам.*

Однако, задача наша заключается далеко не в одном лишь признании за понтийским языком всех прав гражданства, задача не в

---

*) Присвоение понтийскому языку названия именно языка, а не наречия, само по себе явится целым переворотом в истории культуры и языка греческого трудового народа СССР, не говоря о том несомненно большом культурном перевороте, который будет прямым следствием присвоения прав гражданства понтийскому языку.

**) Фактическая разница, на которую никак нельзя закрывать глаза, между языком димотики и языком понтийским примерно совпадает с разницей между русским и украинским, русским и белорусским.

осознании только всей правоспособности этого языка на жизнь, развитие и процветание в процессе пользования им, не в осознании только острейшей необходимости перевода на него всей нашей греческой культурной, советской, партийной, профессиональной работы.

Задача перед нами гораздо более сложная и трудная, нежели мы себе это представляем; поэтому-то учительская конференция в греческом (крымском) районе (15—18 июня 1931 г.) совершенно правильно поступила по обсуждении вопроса о языке в новой его постановке, вынеся решение о признании полнейшей необходимости перехода на понтийский язык, но с соблюдением сугубой осторожности и постепенности.

Осторожность необходима потому, что вопрос о понтийском языке вопрос принципиальный и практический, в то же время является вопросом политическим, ибо недремлющий классовый враг — кулак и его приспешники — не замедлят воспользоваться малейшим нашим промахом в этом деле. Уже один самый факт признания необходимости перехода на понтийский язык дает нашему классовому врагу сигнал для начала его антисоветских, контрреволюционных козней.

Прежде всего этот враг начнет раздуват свое кадило с дымом о том, что „воздвигается средостение“ между нашими и зарубежными пролетарскими и трудовыми массами, что мы порываем, дескать, всякую связь между этими массами, вводя этот особый „дикий“ язык и т. д. и т. п.

Постепенность в переходе у нас прежде всего должна заключаться в большой, внимательной, упорной разъяснительной работе для осознания и усвоения широкими трудящимися греческими массами того, что на сей день пока осознано и усвоено лишь частью передовиков этих масс, т. е. признания понтийского языка, как такового. Надо внушить этим массам практическое, политическое и научное обоснование правильности перехода на язык понтийский.

По поводу воздвигаемого, якобы, „средостения“ следует разъяснить и растолковать, что если уж говорить о каком-то „средостении в образе языка, то такое „средостение“ уже существует десятки и сотни лет между понтийцами и „эладетами“, *) с тех пор как исто-

*) Весьма характерно, что греки — понтийцы никогда не называли и не называют себя „эллинами“; наоборот у них существует определенное, очень давно укоренившееся самоназвание „ромеос“ или ромейос“ (множ. число — „ромей“). С другой стороны никогда грек „западный“ не называет понтийца „эллином“, а именует его „грекос“ (множ. ч. — „греки“), понтийцы же в свою очередь не называют грека из Греции ни „ромеос“ ни „грекос“, а всегда „элинас“ или „эладетес“ (т. е. „элладец“).

Подобные моменты вряд ли могут и должны быть оставлены без внимания и обойдены молчанием, когда перед нами разводят аргументы о „средостении“, об „утрате связи“ между нашими трудящимися и трудящимися Греции. Внешняя „левизна“ подобных аргументов прикрывает собою сущность националистическую, шовинистическую

рические обстоятельства положили начало такому политическо-географическому разветвлению понтийцев и „эллинов“. Но вряд ли можно утверждать, что различие языка, в особенности на данном историческом этапе, может хоть сколько-нибудь служить ослаблению международной солидарности пролетариата в его стремлении к одной общей цели — построению социализма во всем мире.

Ссылки на это „средостение“ должны быть квалифицированы как маскировка узко-националистических, шовинистических тенденций, как дымовая завеса „патриотов“ и псевдопатриотов, действующих наруку классовым нашим врагам; ибо бояться этого средостения — значит дольше держать массы трудящихся в темноте, затруднять и дальше им путь к культуре.

Внешне разъединяя через введение у нас понтийского языка пролетарские и трудящиеся греческие массы нашей страны от пролетариата и трудящихся Греции (каковому разъединению, конечно, не мы теперь кладем начало), тем самым мы обеспечиваем лучшие условия для цемента — спайки трудящихся греков нашей страны не только с трудящимися Греции, но и с пролетариатом и трудящимися в международном масштабе. Роль заготовки такого цемента - спайки выполняется действительно понятным и близким родным языком, как средством культурно-политического воспитания масс в духе пролетарском, социалистическом, интернациональном.

Следом за разъяснительной работой, вернее даже паралелльно с ней, должна итти подлинная практическая, оперативная работа по осуществлению самого перехода на понтийский язык. Тут-то перед нами встает ряд довольно-таки трудных и сложных задач.

Первая из них — это выбор диалекта из многообразных наречий в основу единого понтийского языка: разнообразные эконом-географические и энтографические условия территориального расселения понтийцев повлияли на понтийский язык в том смысле, что сложился ряд говоров понтийского языка с различными оттенками (трапезундский, кюмишханский, синопский, керасундский, самсунский, абешский и др;) полное отсутствие культурного воздействия на развитие понтийского языка, отсутствие в этом развитии каких бы то ни было организующих, регулирующих, канонизирующих начал наряду с указанными оттенками привело к неимоверной вольности в пользовании терминами, оборотами, словосочетаниями, в согласовании и управлении слов и т. д. и т. п.

Отсюда прямая опасность допущения вульгаризации при оформлении понтийского языка, каковая опасность нами максимально должна быть устранена, т. е. устранена должна быть при оформлении этого языка „фонографическая“ фиксация всех и всяких терминов, словосочетаний, выражений и т. п. в натуральном, так сказать, их виде;

их нужно предварительно взвешивать, обрабатывать, шлифовать для укладывания в рамки правил и законов, существующих во всяком языке. С огромным количеством погрешностей против этого требования мы сталкиваемся на практике газеты „Комунистис“, почти уже целиком печатающей свой материал на понтийском языке.

Отметая боязнь „средостения“, мы никоим образом не должны впадать в крайность полнейшего отрыва от языка димотики. Такая крайность нами должна быть признана как ненужная, вредная. Нам никак нельзя закрывать глаза на то, что история судьбы и развития понтийского языка в наследие дала нам крайне скудный, ограниченный словарный запас, без пополнения которого в самых обширных размерах нам никак не обойтись. Откуда мы очень легко можем и должны черпать недостающий лексический запас, запас научных, специальных и всяких иных терминов, кроме как из того же языка димотики, имея ввиду тем более громадную общность обоих языков — понтийского и димотики в лексикологическом, морфологичесхом, синтаксическом отношениях.

Наконец, вряд ли допустимо упускать из виду один из основных принципов марксисткой лингвисти и в глоттогоническом процессе — принцип „от множественности к единству“.

Все это говорит о том, что в предстоящей работе оформления понтийского языка нашим наиболее правильным основным курсом должен быть курс н а м а к с и м а л ь н о е с б л и ж е н и е о б о и х я з ы к о в — понтийского и димотики, на максимальное использование моментов общности между этими языками — это вторая задача не менее трудная и серьезная, чем первая (выбор диалекта в основу понтийского языка).

Все изложенное здесь говорит о том, что без участия науки и исследования, без участия в этом деле надлежаших научно-исследовательских энолого-лингвистических учреждений и организаций, которые до сих пор ни в малейшей степени вопросами греческого языка не занимались, нам не обойтись, — перед этими организациями и учреждениями вопрос теперь ставится прямо ребром.

Наша третья задача рядом с первыми двумя, сравнительно более легкая чем первые две с внешней стороны, со стороны практического разрешения, но принципиальная по своему сушеству — это задача письменности, алфавита.

Дело в том, что особый путь развития понтийского языка, приведший к особому словарю, синтаксису, особой морфологии *) этого

*) Можно хотя бы обратить внимание на одну весьма существенную и характерную отличительную особенность морфологии понтийского языка по сравнению его как с кафаревусой, так и с димотики. Особенность эта — п р и з н а к и а г г л у т и н а т и в н о с т и в п о н т и й с к о м я з ы к е, что с одной стороны совершенно несвойственно и чуждо как языку кафаревуса, так и языку димотики, и с другой — нагляд-

языка в сравнении с языком димотики, в результате дал и фонетику понтийского языка, значительно отличающуюся от фонетики языка димотики.

В эту фонетику вошел ряд таких звуков, которых мы не имеем в языке димотики, как-то прежде всего шипящие „ж“, „ч“, „ш“, мягкие гласные „ā“, „ō“, в очень редких словах, но все же попадается и „ӯ“; нет их в фонетике димотики и, следовательно, не имеется соответствуюших им знаков в самом алфавите, которым пользуемся мы в языке димотики.

Более того: и для языка димотики ныне действующий у нас алфавит недостаточен. Когда мы проводили, как указанно выше, рационализацию нашего алфавита, мы ограничились тем, что выбросили из него излишние знаки: дублеты—ω (о-мега), η (и-мега) и "диграммы" ξ (кс), ψ (пс), сведя количество букв в алфавите до 20, но не приняли мер к пополнению алфавита недостающими буквами для выражения существующих в языке (как димотики, так и понтийском) фонем „б“, „д“, „г“. Кроме того, реформируя орфографию, мы отказались от изображения исторических дифтонгов, собственно диграмм (αι=ε, οι=ι и. т. д.), и вместе с тем сохранили двоякое значение за буквой ι: значение словового „и“ и неслогового (j) в сочетании с последующими или предшествующими гласными. *)

Таким образом мы стоим перед прямой необходимостью пополнения имеющегося у нас алфавита целым рядом недостающих в нем знаков для изображения звуков, имеющихся как только в одном понтийском языке (шипящие, мягкие гласные), так и в понтийском и димотики („б“, „д“, „г“, „j“, а также „ц“).

Здесь вот и встает перед нами принципиальный и в то же время практический вопрос: по какому пути следует итти — итти ли по пути

нейшим образом свидетельствует о сказавшемся на понтийском языке сильном влиянии окружающих языков (турецкого, грузинского, армянского), в которых агглутинация представляет одно из характерных свойств. Агглутинативным путем в понтийском языке сплошь и рядом выражается притяжательность в трех лицах с особой формой для каждого лица. Притяжательные суффиксы в этой агглутинации сложились эволюционным путем из видоизменившихся личных местоимений, стабилизованная форма родительного падежа множеств. числа которых присоединяется к концу существительного, прилагательного, числительного.

*) В настоящее время у нас действует такое правило: ι произносится как "j" в сочетаниях его с другими гласными при условии его безударности в этих сочетаниях. Об этом элементарном правиле не имеется между прочим никакого указания в единственной у нас грамматике К. Топхара, а между тем указание на это правило собственно и должно было бы лечь в основу определения самого понятия о дифтонге нашем; этот элементарный закон мне лично пришлось на практике преподавания родного языка случайно установить и при помощи его разъяснять учащимся понятие о дифтонге взамен понятия от дифтонге, даваемого К. Топхара, который дифтонгу нашему конкретному дает определение отвлеченное, как сочетание вообще двух гласных, из которых один произносится полностью, а другой на половину.

пополнения существующей греческой основы алфавита недостающими знаками, или по пути создания алфавита совершенно заново.

Если считать, что нам следует итти по пути пополнения старой основы недостающими знаками, то во-первых, нам придется латать наш „старый кафтан“ новой материей, новыми знаками, по количеству равными доброй половине всех имеющихся знаков самой основы; во-вторых, исходя из совершенно особого, оригинального стиля греческих строчных шрифтов и отсутствия в связи с этим возможности заимствования готовых подходяших по значению знаков, придется искусственным образом изобретать новые знаки, подгоняя их начертание под общий стиль греческой алфавитной основы.

Эти два момента в достаточной степени говорят против пути пополнения старой основы недостающими знаками. Остается таким образом наиболее приемлемым второй путь — путь разработки целиком нового алфавита для языка понтийского. Коль скоро же может быть принят этот второй путь, то остается решить, на какой основе строить новый алфавит, и разумеется, иного выбора быть не может, кроме латинской основы и именно унифицированного алфавита (НА).

Резюме наше сводится к следующему.

Целесообразность и необходимость перехода на язык понтийский во всей работе среди трудящихся греков СССР мы должны считать истиной очевидной и бесспорной.

Но непосредственно за этим решением для его проведения в жизнь перед нами три задачи актуального порядка: первая — это широкая и глубокая разъяснительная работа среди греческих трудящихся масс Союза, которой должно быть уделено серьезнейшее внимание со стороны советских и партийных органов, научно-исследовательских и др. организаций.

Вторая задача—это немедленно начать основательное научное изучение и исследование понтийского языка, его различных говоров, для проведения прочной базы под единый литературный понтийский язык.

Третья задача — это выбор основы и разработка алфавита для понтийского языка со всесторонним учетом всех особенностей его фонетики.

Если первые две задачи носят характер оперативный (оставляем пока на миг в стороне сугубо принципиальный политический характер самой проблемы перехода на понтийский язык), то последняя третья задача носит прежде всего принципиальный характер: одних лишь соображений логики и здравого рассудка, говорящих всецело за новый алфавит, алфавит целиком латинизованный, далеко недостаточно для решения такого принципиального, мало того, политического вопроса, каким в данном случае является вопрос о греческом алфавите хотя бы даже и только для греков СССР, а может быть потому, что только для греков СССР.

Здесь необходимо отметить одно важное обстоятельство. Принимая во внимание, что большинство понтийцев является давнишними или сравнительно недавними выходцами из различных вилайетов Турции и, следовательно, язык наших понтийцев является языком и понтийцев в том или ином количестве проживающих теперь в Турции (за исключением части синопцев, константинопольцев и некоторых других), мы можем расчитывать, что путем соответствующего контакта с дружественной с нами державой — Турцией, сумеем сделать понтийский язык языком культуры также и этих зарубежных греков.

В принципиальном разрешении вопроса об алфавите требуется участие широких трудящихся греческих масс; это обстоятельство делает необходимым созыв второго всесоюзного совещания по вопросам культурного строительства среди грекой СССР, на котором в качестве стержневого, актуального вопроса должен быть поставлен вопрос о переходе на понтийский язык и второй вопрос, непосредственно вытекающий из первого — вопрос об алфавите в совершенно конкретной его постановке.

Совещанию безусловно должна предшествовать широкая подготовительная кампания, подобно тому как это имело место перед созывом первого совещания.

Инициативу созыва этого совещания возьмет на себя (по примеру первого) Наркомпрос РСФСР с привлечением к участию в совещании наркомпросов и культурного греческого актива союзных республик.

Затронутый нами здесь вопрос во всем его комплексе достиг такой стадии, когда к проведению всех выдвинутых в данной статье мероприятий нам необходимо во что бы то ни стало приступить без всякого отлагательства теперь же. *)

---

*) В настоящей статье не затронутым остался вопрос о языке части греков Украины, Грузии (Цалка), Крыма совершенно умышленно, так как этот специфический вопрос нуждается в особой постановке, особом изучении и обсуждении, чем безусловно следовало бы также заняться. Одно здесь также очевидно и бесспорно, во-первых, что среди каждой из этих частей греческого населения СССР вся работа должна вестись на фактическом родном языке в каждом случае, во-вторых, греки — грекофоны Украины имеют также свой особый язык, отличающийся и от димотики, и от языка собственно понтийцев.

ИЗДАНИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА НОВОГО АЛФАВИТА

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА, кн. I. М. 1928. Стр. 140. Ц. 50 коп.

СОДЕРЖАНИЕ: От редакции. Новая письменность Востока. С. Агамалы-Оглы. К делу и к делу! Ю. Назиров. Проведение нового тюркского алфавита в СССР и ближайшие перспективы. Осман Алиев. Наши ближайшие задачи. Проф. Н. Яковлев. Математическая формула построения алфавита. Н. Юзбашев. Арабский и ново-тюркский алфавит. Проф. Е. Поливанов. Итоги унификационной работы. Проф. Л. Жирков. Вопрос о латинском алфавите для персидского языка. Проф. Е. Поливанов. К вопросу о заглавных буквах. Р. Шор. Из новой литературы по вопросам письменности. И. Тедеев. Новый алфавит в Осетии. Г. Баймбетов. Новый алфавит среди нацменьшинств РСФСР. С. Авзянов. Письмо с Урала. Приложение: Первое заседание по унификации алфавита пленума ВЦК НТА. Второе заседание по унификации.

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА, кн. II. Баку. 1928. Стр. 178. Ц. 1 руб. 75 к.

(Ввиду ограниченного количества оставшихся экземпляров, продается без скидки и только со склада ВЦК НА).

СОДЕРЖАНИЕ: С. Агамалы-Оглы. Рубикон перейден. Б. Кульбешеров. Итоги 2-го пленума ВЦК НТА и очередные задачи дела введения этого алфавита. У. Алиев. Культурная революция и латинизация. А. Камчин-Бек. К вопросу о необходимости проведения унифицированного нового тюркского алфавита в Закавказьи. Е. Ларош. К вопросу о латинизации алфавита в Турции. И. Марогулов. Курдский алфавит. И. Тагиев. Мирза Фатали Ахундов и новый тюркский алфавит. Р. О. Шор. К вопросу о сокращении алфавита. В. Н. Леонтьев. О заглавных буквах. Ан. Соколов. От камня к печатному станку. Ф. Ага-заде. Звуковой или американский метод преподавания на новом алфавите. В. В. Попов. Современная полиграфия и новый тюркский алфавит. А. Н. Самойлович. Следы влияния исламской культуры на турецкие племена алтайско-саянского района. И. Ениколопов. К истории первых постановок М. Ф. Ахундова. Хроника.

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА, кн. III. Баку. 1928. Стр. 146. Ц. 50 коп.

СОДЕРЖАНИЕ: С. Агамалы-Оглы. Культурная революция и новый алфавит. Проф. Е. Э. Бертельс. Из истории попыток реформы арабского алфавита: I. Мальком-хан. Проф. Б. Чобанзаде.

Итоги унификации алфавитов тюрко-татарских народов. Р. Шор. К вопросу о заглавных буквах. В. В. Попов. К вопросу об однозначной системе набора. Проф. Е. Поливанов. Об обозначении долготы гласных в НТА. Проф. Е. Поливанов. О буквах ƙ и ч. Ф. Агазаде. Для чего нам нужно знать процентное соотношение звуков тюрко-татарских языков. А. Камчин-Бек. Наши успехи и достижения. М. Ф. Ахундов. «Алхимик Молла Ибрагим Халил», перевод с тюркского. Н. П. Дыренкова и Л. Потапов. Озуп и Абыл — хозяйственные орудия шорцев. А. Попов. Культ богини Аисыт у якутов. Н. П. Дыренкова. Умай в культе турецких племен. И. Ениколопов. Первая тюркская газета на Кавказе.

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА, кн. IV. Баку. 1928. Стр. 204. Ц. 50 коп.

СОДЕРЖАНИЕ: С. Агамалы-Оглы. Итоги 3-го пленума ВЦК НТА. Проф. Е. Э. Бертельс. Из истории попыток реформы арабского алфавита: А. М.-хан Увейси. Акад. В. В. Бартольд. О письменности у хазар. К. Юст. Реформа алфавита в Турции. Проф. Н. Н. Поппе. Заметки по фонетике таннутувинского языка в связи с вопросом об алфавите. К. К. Юдахин. Материалы по вопросу о звуковом составе чагатайского языка. Н. В. Юшманов. Опыты всемирного алфавита. Е. А. Пахомов. О находке сасанидских надписей в Дербенте. Гр. Бастричев. Унифицированный тюрко-татарский алфавит в телеграфе. — Японский язык и латинский алфавит. Ф. Агазаде. Методы и мероприятия по проведению нового алфавита в республиках СССР в 2-х годичный срок. Проф. Г. Губайдулин. Крах панисламизма во время империалистической войны. Н. Дыренкова. Пища в космогонических представлениях турецких племен Сибири. М. Ф. Ахундов. «Злоключения скряги», перевод с тюркского. Хроника.

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕНokНОСТЬ ВОСТОКА, кн. V. Баку. 1928. Стр. 208. Ц. 50 коп.

СОДЕРЖАНИЕ: Проф. Б. Барадин. Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры. Проф. Н. Н. Поппе. К вопросу о создании нового монгольского алфавита. Проф. Е. Поливанов. Одно из доказательств общности происхождения арабского и европейского алфавитов. Н. В. Юшманов. Ключ к латинским письменностям земного шара. С. Н. Срединский. Факторы, определяющие легкость чтения вообще и сравнительную четкость алфавитов в частности. Ф. Агазаде. К вопросу о возможных сокращениях в правописании. Р. О. Шор. К вопросу о консонантизме яфетических языков Северного Кавказа. Проф. Н. Н. Поппе. О системах письменности, применявшихся монголами и авторами трудов о монгольском языке. Э. Yıvıj Til ƅmla sahəsidə. Л. П. Потапов. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков. Хроника.

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА, кн. VI. Баку. 1928. Стр. 226. Ц. 1 руб.

СОДЕРЖАНИЕ: И. Левин. Материалы к политике царизма в области письменности «инородцев». А. Луначарский. Латинизация русской письменности. Проф. Н. Яковлев. За латинизацию русского алфавита. Проф. Н. Яковлев. Унификация алфавитов для горских языков Сев. Кавказа. Проф. Н. Н. Поппе. Еще о новом монгольском алфавите. Н. В. Юшманов. Арабский язык латинскими буквами (мальтийское наречие). Ж. Вандриес. Письменный язык и орфография (перевод с французского). А. Камчин-Бек. Победа нового алфавита в Советском Союзе. Проф. Б. Чобанзаде. Деятельность Научного Совета ВЦК НТА после 3-го пленума и проблемы языка. М. И. Идрисов. О наборных и пишущих машинах, наборных кассах на новом алфавите. М. И. Идрисов. О введении НТА на телеграфе. Проф. С. Н. Срединский. Разбор проекта М. И. Идрисова. Л. И. Шумский. Пути тюрко-татарской стенографии. Хроника.

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА, кн VII—VIII. М. 1931. Стр. 229. Ц. 2 руб.

СОДЕРЖАНИЕ: Цели и задачи журнала «Культура и письменность Востока». И. Сталин. О национальном вопросе и национальной культуре (из политотчета и заключительного слова на XVI партсъезде). У. Алиев. Победа латинизации — лучшая память о тов. Агамалы-Оглы. У. Алиев. Под лозунгом XVI партсъезда к новым завоеваниям на фронте латинизации. Л. И. Жирков. Ко всем ли языкам применим латинский алфавит? (Опыт слоговых алфавитов Сев. Америки). Б. К. Пашков. Проблема латинизации китайского иероглифического письма в свете нового учения о языке. Н. Ф. Яковлев. О принципах построения орфографии в национальных языках. Н. Ф. Яковлев. О принципах создания терминологии в национальных языках. А. М. Сухотин. К проблеме национально-лингвистического районирования в южной Сибири. Н. В. Юшманов. Европейские элементы тюркских языков СССР. С. А. Врубель. Унификация и латинизация. С. А. Врубель. Русско-китайские языковые скрещения. Б. А. Васильев. Дунгане. Тр. Иванов. Об унификации удмуртского (вотского) алфавита. В. И. Лыткин. К истории коми письменности. М. И. Идрисов. На путях к разрешению телеграфной проблемы на основе латинизированного алфавита. А. Измайлов. Первые советские пишущие машинки, целиком изготовленные из советского материала. В. Карпюк. «Лингвистическая теория и языковая практика» (дискуссия в НИАНКП). На местах: Успешная работа по завершению латинизации в Татарстане. Угрофинские народности переходят на латинизированный алфавит. На фронте нового алфавита в Узбекистане. О черепашьих темпах латинизации в Дагестане. Новый алфавит для слепых. Хроника: В президиуме ВЦК НА. В Научном Совете. Постановление президиума Совета На-

циональностей ЦИК СССР по докладу ВЦК НА. Список членов ВЦК НА. Состав Научного Совета.

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА, кн. IX. М. 1931. Стр. 112. Ц. 1 р. 25 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Умар Алиев. На фронте латинизации перед V пленумом ВЦК НА. Гр. Нечаев. Унификация коми и удмуртского алфавитов. И. Лайхтер. О латинизации китайской письменности. Б. К. Пашков. Неотложность латинизации корейской письменности. В. Насилов. Наблюдения над образованием производственных терминов узбекского и таджикского языков в условиях фабричной техники. Л. Жирков. Применение НА в телеграфной передаче. П. Р. Бурлаков. Стенография для народов, перешедших на НА. Хроника: Конференция монгольской группы народов по вопросам письменности и языка. Резолюци и конференции. Создание карельской письменности. Новый ассирийский алфавит на латинской основе. Новый персидский алфавит. Китайский латинизованный алфавит. Борьба за НА в Нижневолжском крае. Призыв группы «Языковедный фронт». Отзывы о книгах: Е. Э. Бертельс. Грамматика персидского языка. Л. Жирков. Персидский язык. Элементарная грамматика. Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. Пособия по изучению грузинского языка Caucasica.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ 1-го ПЛЕНУМА ВЦК НТА (Баку, июнь 1927 г.). М. 1927. Стр. 176. Ц. 30 к.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ 2-го ПЛЕНУМА ВЦК НТА (Ташкент, январь 1928 г.). Баку 1929. Стр. 224. Ц. 1 р.

(В виду ограниченного количества экземпляров продается без скидки и только со склада ВЦК НА).

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ 3-го ПЛЕНУМА ВЦК НТА (Казань, декабрь 1928 г.). Казань 1929. Стр. 228. Ц. 50 к.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ 4-го ПЛЕНУМА ВЦК НА (Алма-Ата, май 1930 г.). М. 1931. Стр. 262. Ц. 1 р.

Ф. АГАЗАДЕ. К. КАРАКАШЛЫ. Очерк по истории развития движения нового алфавита и его достижения. Казань 1928. Стр. 134. Ц. 50 к.

MARŞ JAŊALIF (сочинение Габаши и Альмухамедова). Каз. 1929. Ц. 1 р.

Редколлегия: К. А. АЛАВЕРДОВ, У. Д. АЛИЕВ, Б. КУЛЬБЕШЕРОВ
Ответственный редактор: УМАР АЛИЕВ
Техред СУХОТИН

Уполномоченный Главлита Б 18094. Тираж 1500. Колич. лист. 8¾. Ст. ф. 72×105. Поступило в произв. 27/VIII. Подписано к печати 9/III. Печ. знак. в л. 52528

ОГИЗ. ФЗУ им. КИМ'а. Типография „Коминтерн", Ленинград, Красная, 1.

Цена 1 р. 50 к.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВЛАСТЬ СОВЕТОВ“

Москва ГСП 6, Неглинная 21